

Я.М. Поливанов

Историко-политологическое изучение Великой Отечественной войны: некоторые тенденции современной отечественной историографии

Ключевые слова: историко-политическое изучение, историко-политологическое изучение, Великая Отечественная война, мифы, теоретическое осмысление, образ прошлого.

Keywords: Great Patriotic War, native historiography, anthropological aspect, psychological aspect, the war history.

За период, прошедший с момента окончания Второй мировой войны, о ней написано огромное количество книг, однако число невыясненных сюжетов, белых пятен только увеличилось, а их спектр расширился. Это связано не только с различием в субъективной позиции авторов. Причина оценочных противостояний, полярности версий и трактовок событий войны кроется в масштабе самой кровопролитной в мировой истории войны, ее влиянии на траекторию последующего развития человечества.

Значимость Второй мировой и Великой Отечественной войн для истории и коллективной исторической памяти не уменьшилась и по истечении десятилетий, минувших после 1945 г. В советской историографии наблюдались деформации в выборе фокусировки изучения, многие темы оставались табу для углубленного анализа. Очевидным фактором формирования комплекса трудов и публикаций, свойственного эпохе деформирования, упрощения оценок, была обстановка холодной войны, ее идеологическая подоплека.

На протяжении 1990–2000-х гг. история как отражение классовой борьбы постепенно уступает место дискурсу истории ментальностей. Усложнение исторического процесса, которое мы наблюдаем с конца 1980-х гг., предопределило возрастание роли исторической памяти. В отечественной литературе эволюция проходила противоречиво. Как правило, она была сопряжена с попытками поменять знаки, началась дегероизация и глобальный пересмотр многих привычных, порой догматически законсервированных оценок.

Историко-политическое изучение истории войны в современной России переживает очевидную эволюцию. Наблюдается отказ от плакатности, привычных для второй половины XX в. мифов. С вовлечением в научный оборот новых материалов и источников, пересмотром доктрин и традиций советского периода исторические реалии войны реконструируются как многомерные, стали восприниматься как результат

сложных, неоднозначных процессов. Социально-политическая трансформация российского общества 1990–2000-е гг. предопределила изменения в векторе изучения, критическое начало в анализе важных проблем и аспектов истории войны, расширение спектра жанров изучения. На порядок возросли тенденции к сотрудничеству с зарубежными историками войны. Намечился глубокий пересмотр оценок обстоятельств подписания и значения Советско-германского пакта о ненападении, соотношения тактико-технических характеристик вооружения СССР и Германии в канун войны, альтернативные, подчас эпатажные гипотезы по проблеме соотношения реалистических и идеологических приоритетов внешней политики СССР в канун войны.

В последние годы не только за рубежом, но и в России развивается тезис о том, что минувшая мировая война была противостоянием двух тоталитарных систем, двух диктатур за мировое господство. Вина за развязывание Второй мировой войны возлагается при такой постановке вопроса на СССР и Германию. В числе оппонентов В. Суворова, апологета такой версии, Н. Стариков, автор недавно вышедшей в свет книги по истории противостояния Третьего рейха и СССР. Он ставит проблему выяснения подлинных заказчиков Второй мировой войны, которые не были привлечены к ответственности Нюрнбергским трибуналом. Абсурдным считает Н. Стариков и химерический вывод о том, что, поскольку СССР в 1945 г. «не захватил весь мир(!), то русский и все остальные народы нашей страны Вторую мировую войну проиграли...». Автор книги считает, что война готовилась в Лондоне, а затем Берлине [1, с. 14, 359].

Такая оценка резко отличается от резюме Олега Кена «Сталин как стратег. Между двумя войнами», опубликованного в серии «Войны XX века» «Русским журналом». Вывод автора сводится к осуждению стратегии Сталина, которая завела СССР в тупик, «из которого его вывели Гитлер, напав на СССР, и Черчилль, немедленно заявив о поддержке СССР. В действиях этих эмблематических фигур и в поведении стоявших за ними сил сказалась социальная сложность мира, действительная динамика человеческой истории, которые придали войне с фашизмом смысл борьбы за спасение цивилизации». Главной же функцией сталинской стратегии приравнивания

политики к неограниченной войне и элиминирования морали О. Кун считает «вызывание и раздувание мировой войны, паралич политической воли и военную катастрофу» [2, с. 71]. Думается, автор изначально ошибается, допуская «вписывание» гитлеровского режима в координаты морали...

Подобные гипотезы усиливают актуальность историко-политического изучения истории войны, в том числе в контексте коллективной исторической памяти народов. Под исторической памятью понимается совокупность представлений о прошлом, которая доминирует в данный момент и принимается большинством как подобие здравого смысла. Естественно, такая память предстает из источников национальной идентичности, чувства причастности к определенному обществу, формируемого общими мифами, ощущениями по поводу прошлого.

В историко-политических исследованиях сформулирован вопрос о неоднозначном восприятии событий войны в разных слоях советского общества. Наряду с интересом к военно-политической истории наблюдается обостренное внимание к социокультурному, психологическому и антропологическому измерению истории войны. Новая историография переживает ощутимые методологические перемены. Е.С. Сенявская является автором нового направления анализа войны, продуктивно разрабатывая в русле психологического анализа образ войны в сознании советского солдата. Она рассматривает идеолого-психологическую конструкцию «образа врага» как один из многочисленных феноменов массового сознания XX в., характерного и для России. Отмечая деликатность темы, прежде бывшей прерогативой спецслужб, решавших задачи специальной пропаганды и психологической войны, автор справедливо замечает, что лишь в постсоветский период этот пласт проблем стал активно освещаться в теоретическом и историческом ракурсах [3, с. 3, 5].

Факторный подход к истории сменился системным, происходит «гуманизация» приоритетов в шкале ценностных оценок. С конца 1980-х гг. в отечественной исторической науке активизировался анализ проблем истории репатриации, депортации, коллаборационизма [4, с. 272–273]. Новые подходы наметились в исследованиях, посвященных истории советской национальной политики в период 1941–1945 гг., и это касается не только трактовок проблемы и масштабов коллаборационизма. Примером тому является история формирования из пленных тюрко-татар батальона «Идель-Урал».

В целом эта попытка провалилась. Героями Советского Союза за годы войны стали 250 представителей татарской национальности. Но масштаб «обработки» пленных татар был в годы Второй мировой войны

качественно иного уровня и объема, нежели в Первой мировой войне. Убежденных противников советской власти было немного. Каждый случай перехода на сторону немцев поэтому, как правило, индивидуален, а коллаборационизм приобретал самые разные формы.

Образ прошлого – понятие неоднозначное, требующее синтетических, новаторских подходов. Основными модальностями смысла истории, как отмечают представители направления новой интеллектуальной истории, являются собственное значение исторического явления, его исторический контекст; значение, которое придается явлению потомками с учетом отдаленной исторической перспективы; значение, которое ему навязывают отдельные люди и социальные группы, использующие авторитет прошлого в собственных политических целях [5, с. 13]. Стремление преподнести Победу в идеологическом вакууме, отрывая от конкретно-исторического контекста, заводит в тупик. Теоретическое осмысление ряда узловых проблем продолжает отставать. В ряде постсоветских государств история войны становится объектом политической борьбы.

Малоизученными остаются такие аспекты темы, как влияние идеологии сталинизма на оформление волюнтаристских подходов к социокультурной политике, эволюция государственной политики в отношении церкви и православной религии. Несмотря на первые опыты современного анализа влияния политики на духовную и культурную жизнь общества военных лет, роли и места религии и церкви в чрезвычайных условиях, функции интеллигенции в духовной сфере в годы войны.

1941–1945 гг. явились временем активизации и радикального усиления информационно-психологической войны, и этот аспект также требует новых исторических изысканий. Не утратила актуальности и задача дальнейшего изучения и введения в научный оборот новых мемуарных и архивных материалов.

В целом с 1993–1994 гг. начинается поворот в сторону признания величия подвига народа. Документальная база пополнилась благодаря публикации документов и материалов, было создано новое информационное пространство для изучения истории войны. Однако концептуальное осмысление характера Второй мировой войны и своеобразия Великой Отечественной войны отставало и отстает от источниковедческого и историописательного жанра изучения.

Таким образом, дискуссии по поводу политических оценок кануна, начала и характера войны не потеряли значения и поныне. Военное прошлое продолжает жить в современном российском обществе не только как история событий, фактов, биографий и подобного, но и на уровне интерпретаций.

Библиографический список

1. Стариков, Н. Кто заставил Гитлера напасть на Сталина / Н. Стариков. – СПб., 2008.
2. Кун, О. Сталин как стратег. Между двумя войнами / О. Кун // Русский журнал. – 2004.
3. Сенявская, Е.С. Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества / Е.С. Сенявская. – М., 2006.
4. Андросов, А.А. Трагедия народов: коллаборационизм и этнические депортации в исторической литературе / А.А. Андросов // Историография сталинизма. – М., 2007.
5. Репина, Л.П. История исторического знания : пособие для вузов / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. – М., 2004.